

Валерий ФОКИН — художественный руководитель Театрального центра им. В.Э. Мейерхольда в последние два сезона удостоившись самых престижных театральных премий. Сейчас режиссер работает над новым спектаклем — так он встречает свой юбилейный сезон: в феврале 1996 года Фокину исполняется 50 лет и по этому случаю нам предстоит увидеть маленький фестиваль — три спектакля Валерия Фокина в Манеже.

— Валерий Владимирович, накануне юбилея есть ли у Вас внутренняя необходимость пересмотра того, что сделано, ощущение итога?

— Таких ощущений у меня нет. Этапы жизни и творчества связаны не с юбилейными датами. Когда я в 1991 году уехал из Москвы и стал работать за границей — это был новый этап, обусловленный необходимостью. После ухода из Ермоловского театра мне надо было вырваться из пошлой истории с оттенком театрального скандала, в которую я попал. Я считал, что разрешить туиковую ситуацию в театре поможет реконструкция здания, в результате которой будут созданы две современные площадки, где параллельно можно будет работать избыточно огромной труппе. И, наконец, строительство при театре отеля позволило бы свободно финансово существовать. Меня обвинили в том, что я старинный русский театр превращаю в бордель. Моим же мотивом было создание живого театра.

Я никогда не жалею об этих годах, о моем горьком опыте главного режиссера. Единственное, о чем я искренне сожалею, это о разделении труппы, лучше бы я сам ушел. Но все мы, к несчастью, сильны задним умом. Разделение в итоге ничего не дало. Как любила повторять моя бабушка: «Что должно умереть, то умрет». Возвращаться было сложно, пришлось заново завоевывать Москву. Я оказался как бы в роли дебютанта, и это подогрело. Когда-то Гротовский научил меня, что дебют, как творческое состояние, необходим в течение всей жизни, а стабильность существования губительна для любого художника. Похожие мысли я вычитал и у Мейерхольда.

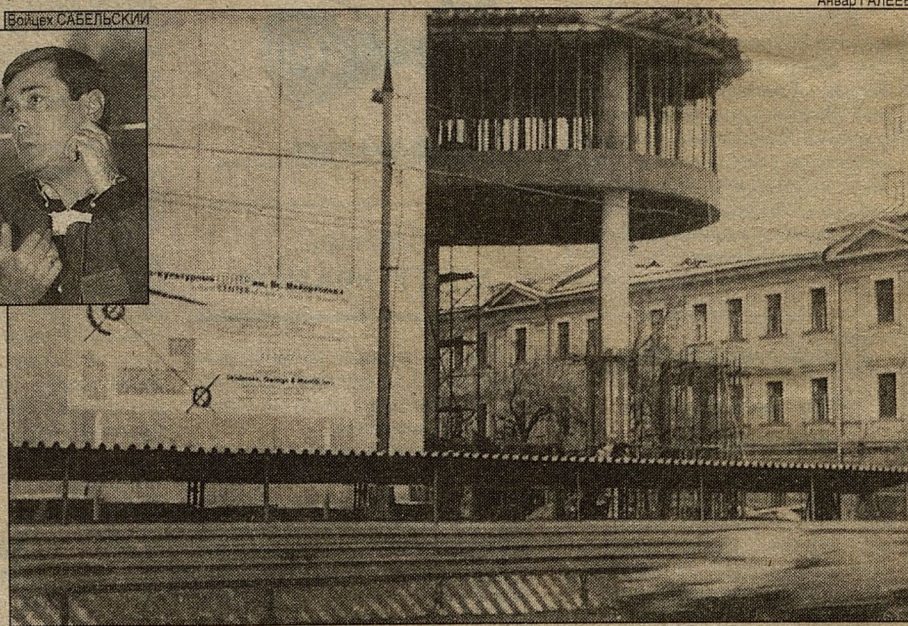
— Спектакли «Нумер в гостинице города NN» и «Превращение» сделаны на театральном языке, ранее не свойственном режиссеру Фокину. А что дальше? Развитие найденного или снова дебют?

— Сейчас я работаю над спектаклем «Братья и Ад» по роману Достоевского «Братья Карамазовы» в театре «Современник». Это продолжение моей попытки создать чувственный театр, идущий от литературы. Мне хочется сле-

Общая гал. - 1995 -
23 нояб - с. 11.

И М Я Без проигрышей победа не сладка

Войтек САБЕЛЬСКИЙ

Анвар ГАЛЕЕВ

Строится новое здание Центра им. В.Э. Мейерхольда

датель театральную фантазию по Достоевскому. Николай Климонтович написал инсценировку, организованную не по традиционным законам. Спектакль о последнем мгновении безумия Ивана Карамазова. В спектакль включена звуковая система, а не только текст, слово.

Я вообще хотел бы поставить спектакль без слов или спектакль, в котором слово возникает тогда, когда это крайне необходимо, чтобы в спектакле не надувано, а органично существовали балет и вокал. Я опять не могу не вспомнить Гротовского и Мейерхольда: они оба декларировали построение спектакля по законам музыки. Достоевский музыкальный автор, он симфоничен. О полифонизме произведений Достоевского сейчас знает каждый школьник. Но при этом играют его обычно как бытового писателя. «Диваны» Достоевского — это вынужденность для писателя, которому необходимо было выдавать литера-

турные объемы. При других условиях, я убежден, он бы писал короткие новеллы. Ощущение температурного состояния — вот что важно в Достоевском, выразить это можно не в театральном надрыве, а в звуке, а еще лучше в тишине.

— Вы программируете успех своих спектаклей?

— Специально на успех я не работаю, но я бы схитрил, если бы сказал, что театру успех не нужен. Я не верю, что театр перевоспитывает, но неосознанно вывести в новое качество, дать импульс — театр может. Вот что я называю успехом. После спектакля мне дороже тишина, чем аплодисменты. Тишина не разочарования, а напряжения, желания побыть наедине с собой.

— А где для вас важнее успех — дома или на Западе?

— Успех — это твоя победа, а побеждать приятно везде. В европейских странах свои

сложности: понять чужой вкус, быть убедительным и интересным чужой публике. Но, конечно, успех здесь, у себя, дороже. Я бы на Западе не стал ставить «Нумер в гостинице города NN». Этот спектакль возможен только с русскими артистами и русскими зрителями.

Наши зрители, действительно, самые лучшие в мире. Даже самые наивные из них, те, которые следят за сюжетом. Но и у них есть какое-то святое отношение к театру, которого нет нигде, ни в одной стране.

— Режиссер — это трудная профессия?

— Это комплексная профессия и потому трудная. Он должен разбираться в живописи, владеть языком композиции, иметь пространственное мышление. Точно так же ему необходимо владеть законами музыкальной композиции. Режиссер должен знать литературу и уметь сделать инсценировку или привести пьесу в тот вид, который нужен. Наконец, он обязан быть психологом. Встреча с артистами — это поединок. Когда я был молодым, для меня была мучкой каждая репетиция. Так случилось, что в «Современнике» я стал работать со «звездами». Они тянули из меня жилы. Но я не сломался. Воля нужна и при встрече с прессой, с театральной критикой. У режиссера должна быть развитая интуиция, ему необходимо по движению воздуха чувствовать настроение артистов, предугадывать все их ходы. Идеально, когда ты работаешь с единомышленниками — тебе не стыдно что-то не знать, актерам не стыдно плохо репетировать. Тогда репетиции становятся «мыслями вслух» — так это называет Питер Брук.

Режиссеры, как правило, одинокие люди. Они много несут в себе, охраняют как личную тайну свою главную перспективу — рождение ребенка, который должен получиться таким, каким задуман. В него все вкладываешь, и вот он рождается и отделяется от тебя. Идет спектакль, режиссер ходит на каждое представление и видит все просчеты, мучительно думая, что и зрители их видят.

— У главного режиссера помимо этих страданий еще есть ответственность за чужих. Должно быть, главному режиссеру еще труднее. У вас такой опыт был, хотели бы вы его повторить?

— Нет. Я вообще не хочу служить в каком-либо государственном театре. Это потеря независимости, свободы, которых я до некоторой степени достиг. Я делаю то, что хочу и с кем хочу. Мне не нужна постоянная труппа, но я не считаю идеальной и контрактную систему. Я выбрал бы золотую середину — работать с небольшой группой своих артистов и в зависимости от проекта по необходимости приглашать остальных. Какая-то семья должна быть, но небольшая. В семье Мольера было, по-моему, 12 человек.

— Центр Мейерхольда — это идеальная модель?

— У государства нет денег на содержание театров. Прошла и мода на спонсоров. Необходимо коммерческая программа, дающая стабильную финансовую помощь театру. Центр Мейерхольда, который отдал большую часть своей земли под строительство банку, через год надеется получить новое здание.

— Почему центр носит имя Мейерхольда?

— Для меня Мейерхольд — символ риска, новой пробы. При Центре Мейерхольда существовали мастерские, дающие такие возможности. Но они были закрыты из-за финансовых трудностей. СТР РФ прекратил выступать в роли мецената. Мы хотим, чтобы в новом здании Центра им. В.Э. Мейерхольда расположились музей, конференц-зал, две театральные площадки. Не знаю, что получится в конечном итоге, строительство становится с каждым днем все дороже. Мне хочется набрать актерский курс, хочется работать с молодыми режиссерами. Их нельзя учить по учебникам, им надо давать возможности ошибаться. Мне самому повезло, Галина Волчек не боялась моих ошибок, вмешивалась в спектакль, лишь тогда, когда было надо, помогала.

— Что для вас важнее: жизнь или театр?

— Когда я был моложе, важнее был театр. Сейчас для меня главное — сохранить стабильность в своей личной жизни, ценным стало понятие семьи, семья — мой мир, где я могу быть самим собой, где разрушается мое одиночество. Театр все равно остается способом жизни. Только в театре ты можешь быть творцом новой действительности, которая интереснее, чем реальная. Ты закрываешь за собой дверь в репетиционный зал и отрываешься от жизни. Это очень ценно.

— Вы счастливый человек?

— Да. У меня есть работа, любимая жена, сын. В моей жизни были взлеты и падения, но мне нравится начинать все сначала. Я не боюсь проигрывать.

Беседовала Татьяна НИКОЛЬСКАЯ